

Сергея Есенина, повесившегося в ленинградской гостинице в конце декабря 1925 года, хоронили, как национального поэта. Специальный поездом — престижной «красной стрелой» — везли его тело в Москву. У свежевырытой могилы высокие чины произносили высокие речи о роли поэта в истории русской культуры.

Но посмертная слава Есенина длилась недолго. Уже в 1926 году в «Комсомольской правде» появились две-три статьи, организованные — «мобилизованные» молодежной секцией Политпросвета, где поднимался вопрос о недопустимости распространения в деревнях «есенинщины» с ее «жаркими свечками» и «иконками». Так — с гласа народа — начиналась любая репрессивная кампания. В августе 1926 года к борьбе с религиозными и упадническими настроениями, насиждающими поэзией Есенина, включились и верхи, как бы подхватив инициативу снизу. На одном из заседаний оргбюро ЦК ВКП(б) под председательством С. В. Косиоря, секретаря ЦК ВКП(б), уже обсуждалась опасность книг Есенина и Достоевского, как почвы, на которой произрастает вредоносная идеология. На протоколах этого и других заседаний, раскрывающих тайный механизм репрессий, стоит гриф: секретно. Все эти документы хранятся в бывшем партархиве бывшего Института марксизма-ленинизма, ныне в РЦХИДНИ. Сегодня с ними можно ознакомиться.

Волна идеологических чисток только набирала высоту. Оргвыводы в 1926 году в отношении к поэзии Есенина еще не делали. И хотя Госиздат — центральное орудие партии в области печати, запланировавший четырехтомник Есенина на 1926—1927 годы, — подвергся на оргбюро в июле 1926 года резкой критике за беспринципное ослабление политики, препятствующей распространению злопыхательской литературы; хотя из планов Госиздата и были исключены книги Эренбурга и Пильняка, как образчики литературы подобного рода, — четыре тома Есенина наряду с собраниями сочинений Горького, Маяковского, Бедного и других русских писателей, признаваемых советскими властями, были утверждены и благополучно в 1927 году вышли из печати. В истории книгоиздания это называлось: успели проскочить.

Но ситуация на идеологическом фронте со второй половины 1920-х резко менялась. Страна приближалась к победе социализма, к созданию тоталитарного общества.

В январе 1927 года в газете «Правда», органе ЦК ВКП(б), был опубликован критический

Есенин С.

217

25.06.94.

Зинаида Райх сражается за Есенина

Культура. — 1994. — 25 июня (№ 24). — с. 4.

opus теоретика партии, экономики и культуры Н. М. Бухарина «Злые заметки». Сколько талантливый, столь и гнусный. Он сам расценивал это свое правдистское выступление, как «хорошенький залп» против пьяницы-разложнца, у которого есть неплохие стихи, звучащие, как серебряный ручей, который в целом — явление отвратительно — напудренное, нагло-раскрашенное российской матершиной, смоченное пьяными слезами и оттого еще более свинское. Развертывая свою аргументацию, Бухарин опирался на труд Ленина «О национальной гордости великороссов», и Есенин оказался в «Злых заметках» осквернителем национальных святынь. Чего только не было в этой статье. И то, что ухарь-купец в лаковых сапожках и с шелковым шнурком на вышитой рубашке воспевает все самое худшее, что есть в русском народе: невежество, мордобой, внутреннее разгильдяйство, юродство. И то, что влияние его поэзии, «обожествляющей самые отсталые формы крестьянской жизни», тлетворно. И то, что смесь водки с рыданиями и «никотой» хулигана губительна для нарождающейся формации граждан.

Устами правдиста, хлеставшего поэта и его поэзию «злыми» словами, партия выдавала народу, всей стране идеологические установки. Очень скоро они становились обязательными на всех общественных уровнях, как и положено при тоталитаризме.

«Есенинщина» должна быть изолирована от сознания трудающихся масс и прежде всего комсомольцев, перестраивающих мир и нуждающихся в бодрых песнях, указывала «Правда».

И, как следствие всей этой кампании, издательство писателей «Федерация» по требованию директора Главлиты П. И. Полянского заявило о

приостановке четырехтомника Есенина, издания «невсоеувременного», хотя прежде и включенного в редакционный план на 1929 год. По существу это был запрет поэзии Есенина в СССР.

В защиту Есенина робко выступила его вдова, С. А. Есенина-Толстая, внучка Л. Н. Толстого, женщина редкого ума и широкого сердца, как говорил о ней Всеволод Рождественский, друг ленинградской юности Есенина. Она написала письмо на имя М. И. Калинина, председателя ЦИК СССР, подкрепив свою жалобу на Главлит справкой из издательства, подтверждавшего свои редакционные намерения. Но совсем в ином тоне выдержано письмо другой заступницы Есенина — его первой жены и матери его двоих детей Зинаиды Райх, ставшей ученицей, другом и женой В. Э. Мейерхольда. И первой актрисой его театра. Письмо Зинаиды Райх Мейерхольд сохранилось в архиве Калинина в РЦХИДНИ.

Калинина писала влиятельная особа, знавшая себе цену. Ей рукоплескала вся театральная Москва. Она была в зените славы и фавора и умела пользоваться ими.

Переменившийся, неверный, безжалостно бросавший людей из своего «вчера» во имя «завтра», «вчера» отрицавшего, Мейерхольд Зинаиду Райх богохванил. Он ловил ее взгляд и слово, он сверял с ней каждый свой шаг, подчас теряя собственную голову и нужных его театру актрис, которые могли бы составить же-не конкуренцию.

В своих спектаклях он ее подавал то фосфорической женщины, сочиненной Маяковским: надев шлем авиатора, она горделиво возносилась ввысь по лестничному маршруту в наше лучезарное завтра, каким оно виделось в 1920-х. То Софья Фамусовой, смелой и беззастенчивой, десять раз на

протяжении блестательного «Горя уму» менявшей туалеты. Недвусмысленно обольщавшая мужчин и гостей на балу и породой, и напором, она осуществляла пушкинскую формулу Софы: «не то блядь, не то московская кузина». Мейерхольд ценил в ней и дарил своей публике и ее ярко выраженный интеллект. В «Списке благоденний» Юрия Олеши он доверил ей роль Гамлета. Она выходила на сцену, затянутая в костюм принца Датского, в черном плаще и с рапицей в руках. В спектаклях политобозрениях режиссер обрамлял ее почти солыми номерами эффектными массовками. В классике заставляя восхищаться мизансценами, подчеркивавшими ее эксцентрическую пластику. Она ловко, ладно, в своем рисунке и энергично двигалась, переводя, в соответствии со своей актерской индивидуальностью и зданиями Мейерхольда, сентиментальность и чувствительность прежних эпох в агрессивно-наступательный регистр, отвечающий энтузиазму страны социализма, будь то влюбленная в Петра Аксюша в «Лесе» Островского, персонажи сатирических комедий или даже Маргарита Готье в «Даме с камелиями», которая, умирая, энергичным жестом срывала штору в спальне, распахивала окно, и свежий ветер врывался в комнату. И в смерти на сцене она была сильной.

Зинаида Райх была центром каждого спектакля Мейерхольда, даже если ее роль не была центральной в пьесе. Все в его спектаклях было подчинено ей. Удовлетворяя ее ненасытный актерский аппетит, ее природную страсть к игре, как оказалось, болезненную, приведшую к несчастью, Мейерхольд сочинил для нее вереницу персонажей. Во всех ролях она была бодра, дерзка, проявляла дух независимости и бунтарства. Мейерхольд в 20-

начале 30-х опирался на ее «Горя уму» меняющей туалеты. Недвусмысленно обольщавшая мужчин и гостей на балу и породой, и напором, она осуществляла пушкинскую формулу Софы: «не то блядь, не то московская кузина». Мейерхольд ценил в ней и дарил своей публике и ее ярко выраженный интеллект. В «Списке благоденний» Юрия Олеши он доверил ей роль Гамлета. Она выходила на сцену, затянутая в костюм принца Датского, в черном плаще и с рапицей в руках. В спектаклях политобозрениях режиссер обрамлял ее почти солыми номерами эффектными массовками. В классике заставляя восхищаться мизансценами, подчеркивавшими ее эксцентрическую пластику. Она ловко, ладно, в своем рисунке и энергично двигалась, переводя, в соответствии со своей актерской индивидуальностью и зданиями Мейерхольда, сентиментальность и чувствительность прежних эпох в агрессивно-наступательный регистр, отвечающий энтузиазму страны социализма, будь то влюбленная в Петра Аксюша в «Лесе» Островского, персонажи сатирических комедий или даже Маргарита Готье в «Даме с камелиями», которая, умирая, энергичным жестом срывала штору в спальне, распахивала окно, и свежий ветер врывался в комнату. И в смерти на сцене она была сильной.

Зинаида Райх была центром каждого спектакля Мейерхольда, даже если ее роль не была центральной в пьесе. Все в его спектаклях было подчинено ей. Удовлетворяя ее ненасытный актерский аппетит, ее природную страсть к игре, как оказалось, болезненную, приведшую к несчастью, Мейерхольд сочинил для нее вереницу персонажей. Во всех ролях она была бодра, дерзка, проявляла дух независимости и бунтарства. Мейерхольд в 20-

примьерша, царица театра Мейерхольда, но и «своя среди своих». Женщина незаурядного — острого и живого ума, она отлично — лучше Калинина — знала, на какие клавиши уже отлаженного механизма партийной власти надо нажимать. Она писала Калинина просто, давая советы, подсказывая последовательность оперативных действий в решении издательских проблем, сопряженных с идеологическими.

1929 г.
май, 28
Москва, Брюсовский, д. 12, кв. 11 тел. 3-04-11

Многоуважаемый
Михаил Иванович

Терпеть не могу просить и «затруднять» и «отнимать» время, но вынуждена необходи-
мость.

Первое: категорически запрещен к переизданию Сергей Есенин. Я знаю, сейчас лето — жарко — куда уж навязывать лишние и не по ведомству хлопоты. Но обращаюсь к Вам только посторонку, поскольку мне лично известно (от Марии Бахрах), что Вы живой и культурный человек (я не о государственной и политической культуре сейчас говорю), и думаю, что если Вы этот вопрос поднимите (в ЦК), возмутитесь перед десятком Ваших друзей, то это кого следует пройдет и может быть на 50% дело продвинет.

Лебедев-Полянский отговаривается кризисом бумаги, но ведь это отговорка, так как издательство «Федерация Писателей» готова печатать Есенина, ибо на книжном рынке его нет, он распродан, а печатать его выгодно, спрос большой (так говорят в самом книгоиздательстве).

Керченцева просить тоже не хочу, лично хорошо знакома, вижусь, он бывает у нас и другом с Мейерхольдом, но знаю

его внутреннюю принципиальную точку зрения — язык не поворачивается «ходатайствовать». Решила написать Вам и еще двум-трем товарищам из «верхов».

Это запрещение столь «некультурно» и столь нелепо, — я вот уже два месяца этим возмущаюсь, но пока негромко и необщественно. На имени Есенина налипло столько грязи и неверных истолкований, что трудно говорить в оглохшие уши, закрытые дурацким отношением к Есенину — Бухарина и Сосновского, и присяными. Думаю и надеюсь, что это столь очевидно — нелепость запрещения, что если с одной стороны одернуть Лебедева-Полянского (не знаю, право, под чью дудку он в этом вопросе пляшет), а с другой вместе четырех томов напечатать три (не печатать «разлагающих» стихов, вроде «Москвы кабацкой»), то этот вопрос ликвидируется без ненужной шумихи.

Зинаида Мейерхольд-Райх.
Второе: о Петрове-Водкине.
Прилагаю письмо своего старого приятеля Разумника Иванова о художнике Петрове-Водкине, весьма крупном и ценном, которому надо было бы основательно помочь: дать денег и послать его лечиться в Давос. Может быть поможет.

Простите меня, что я слишком не официально, а по-человечески прошу Вас.

Привет.

Мария Бахрах — это рядовой аппаратный партработник, что-то вроде секретарши, жена мейерхольдовского художника В. А. Шестакова, оформившего многие его спектакли. П. М. Керченцев — активист Пролеткульта, соратник Мейерхольда по ТЕО Наркомпроса, А. Л. Сосновский — журналист, пуб-

лицист, заведующий Агитпромом, партноменклатура. Все они подчинялись Калинину, члену Политбюро и ЦК ВКП(б). Зинаида Райх верила в здоровые крестьянские корни «сесоюзного старосты». Есенин был Калинину классовый брат, но младший, несмышленый, не сумевший в отличие от старшего, профессионального революционера, найти свое место в общем строю, несмотря на искренние попытки вписаться в «коммуну вздыбленную Русь».

Зинаида Райх учла то, предсматривала это... Но разве могла она предположить, что Калинин не отважится вступиться даже за собственную жену и не убережет ее от ГУЛАГа; что друг дома Керченцев в конце 1937 года напишет статью о Театре имени Вс. Мейерхольда «Чужой театр», поставившую фактически последнюю точку в уничтожении театра, и Мастера; и что сама она, утратившая прежнюю уверенность в себе и потерявшая душевное здоровье, так привлекавшие к ней слабых мужчин-гениев, погибнет в 1939-м в своей квартире в Брюсовском от рук наемников из НКВД вслед за арестом своего второго мужа?

Конечно, четырехтомник Есенина в издательстве «Федерация» в 1929-м не вышел, не мог выйти, а Петров-Водкин в какой Давос не поехал. Но дело, о котором хлопотала Райх, все же продвинулось, хоть и меньше, чем на четные 50 процентов.

В 1931 году в издательстве «Федерация» вышел томик Есенина «Стихи и поэмы», разумеется, без «разлагающих» российское население «Москвы кабацкой», «Черного человека» и с предисловием «От издательства». Редакция, верноподданнически оберегая чистоту своих идеологических позиций и спасая тем самым книгу, поясняла читателю, что видит Есенина не в новой эпохе, а позади нее, в нашем рабском, дореволюционном, буржуазном, реакционном прошлом, где он навсегда и остался. Так — выключенный из современности — должен был понимать Есенина и читатель. Это была самая малая цена за разрешение издания всеми инстанциями. Вопрос был поставлен кратко: или так, с клеймом вчерашнего поэта, или никак.

Наступала полоса глухого забвения, небытия поэзии Есенина. Табу с его книг медленно снималось только в 1960-х, в годы хрущевской оттепели, когда стихи и поэмы Есенина реабилитировались вместе с незаконно репрессированными их обвинителями: Сосновским, Косиором и Бухариним. Г. БРОДСКАЯ.